

О. Б. Степанова

САКРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ СЕЛЬКУПОВ: ПОЧЕМУ МОЛЧАТ ИНФОРМАНТЫ

Северные селькупы, сохраняющие в большинстве своем традиционную культуру и традиционный образ жизни, — гостеприимный и открытый народ. За время работы среди селькупов меня радушно принимали во многих поселках, домах, семьях, на стойбищах, показывали национальные жилища, одежду, средства передвижения, домашних оленей, кормили национальной едой, катали на лодках-долбленках, брали меня по ягоды, на рыбалку. Информанты охотно рассказывали мне о своей семье, детях, соседях, работе, сегодняшних проблемах — я не испытывала недостатка в информантах и информации, когда заводила разговор, что называется, «о жизни».

Намного хуже дело обстояло, когда меня интересовали сакральные знания: о духах и изображениях духов, кладбищах и похоронах, священных местах, о шаманах, шаманских вещах и шаманских могилах. Ответы были: «Я ничего не знаю, ничего не помню, все забыл».

В каких-то беседах у меня с информантом устанавливался теплый, дружеский контакт, было видно, что он очень хочет мне помочь, готов выложить все, что знает, — но знает он мало или ничего не знает, и результат беседы оказывался недостаточным.

Первое время я искренне верила, что эти ответы отражают степень забвения культуры, о былом богатстве которой хорошо известно из работ Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых. При этом слегка удивляло, насколько хорошо сохранилась у селькупов материальная сфера культуры и насколько плохо — духовная. Усиливали мое удивление скудные материалы по традиционному мировоззрению селькупов местного краеведческого музея и районного Центра селькупской культуры. Но что есть, то есть, говорила я себе.

Я встречала также коренных жителей, людей преклонного возраста, которые вели традиционный образ жизни и должны были, по идее, многое знать и помнить, но они просто отказывались со мной разговаривать, молчали. Это молчание я объясняла обыкновенным стеснением перед чужим человеком. Так же (тем, что я чужая) я объясняла себе, почему с Г. Н. и Е. Д. Прокофьевыми те же самые тазовские селькупы во всех вопросах традиционной культуры были полностью откровенны, а со мной молчат. Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы смогли стать в селькупской среде своими. Кроме того, им повезло: они попали в «золотой век» традиционной культуры, я же пыталась собрать то, что от него осталось.

Часто я слышала от селькупов: «Об этом говорить нельзя». Этот ответ я воспринимала как сообщение о запретных темах уже утраченного знания. То есть информант по этому вопросу ничего не знает, но если бы что-то и знал, то не сказал.

Тем не менее в ходе полевой работы постепенно у меня накопилось некоторое количество фактов, которые свидетельствовали о том, что сакральное знание как таковое, в объеме, который уже можно называть полным, в среде селькупов сохранилось. Однако оно имеет скрытую форму и высокую степень табуированности не только для «чужих», но и для большей части «своих».

Расскажу несколько показательных историй, которые позволят сделать определенные выводы и ответить на вопрос: почему молчат информанты? Эти истории были собраны во время экспедиций 2004, 2005, 2008, 2012 гг. в Красноселькупский и 2013 г. в Пуровский районы ЯНАО [ПМА].

В 2006–2007 гг. корреспондент местной телекомпании «Альянс» И. Руденко, краевед, работавшая с конца 1980-х до начала 2000-х годов в Красноселькупском краеведческом музее, сняла для фестиваля кино в Салехарде маленький фильм на тему национальной культуры селькупов. Актером в ее фильме стал юноша-селькуп из с. Толька А. Кулиш, с ранних лет интересующийся культурой своего народа. Он сам из подручных материалов изготовил шаманский костюм, головной убор и бубен (без особой достоверности, но речь не об этом). Было снято на камеру, как он в шаманском наряде бьет в бубен, танцует и поет, имити-

руя шаманское камлание. Снимали ролик в лесу, на бывшем шаманском месте, там, где когда-то жил шаман. Фоном для фильма стала какая-то космическая мелодия, и голос И. Руденко за кадром рассказывал о былом селькупской культуры и селькупских шаманах, которых уже нет.

Другой герой этой истории — старик Никандр Иванович Ириков (около 70 лет). Он живет в лесу, ближе к селу Ратта, но недалеко от Тольки. Селькупы района сел Толька и Ратта, то есть верхний р. Таз, все друг друга знают. Он крепкий хозяин: имеет два стойбища — зимнее и летнее на берегу Таза, постройки, оленей; купил два дома в с. Ратта. По местным меркам, эта собственность — немалое богатство. Старик среди селькупов очень авторитетен и популярен. Кто только мне про него не рассказывал... Десять раз я слышала рассказы про его артистизм: любит рассказывать и показывать в лицах всякие смешные истории. И только ленивый не сообщил мне о том, что он бездетен. Дважды был женат, но детей нет. Каждый год призывает пожить у себя на стойбище юношей из родни. Одного из племянников он вырастил. Но никто из них пока не оправдал его надежд — никто пока не оказался достоин стать наследником.

Когда-то Н. И. Ирикову прочили возглавить Ратту и национальную общину, которую уже много лет пытаются создать в поселке административным путем, но он отказался. Приезжая за пенсией и продуктами в поселок Ратта, селькупы традиционно употребляют спиртные напитки. Никандр Иванович выпивает очень редко, но пьяного его все боятся. Мне много раз говорили, что «Никандр на духах прадеда каждый год одежды меняет», «тебе к Никандру надо съездить, он много знает, много тебе может рассказать». К Никандру Ивановичу я съездила в 2008 г. Он и его жена Лена приняли меня очень радушно, накормили, показали стойбище, оленей, но ничего не рассказали — ни о духах, ни сказок: «Мы ничего не помним, это все уже забылось давно». При этом летнее стойбище Никандра Ивановича носит название «*Латтарын моря*» — «Покойничье море» (или «*Латтарый поре*» — «Покойничий калтус/яма»). Как он говорит, название произошло от того, что здесь слышны голоса покойников. На вы-

соких соснах вокруг стойбища развешены свертки с костями убитых им медведей (так по селькупской традиции принято поступать с останками медведей).

Так вот, Н. И. Ириков, посмотрев фильм с А. Кулишом в роли шамана, передал тому с оказией следующие слова: «Пусть ко мне приезжает, я его научу». Так какое наследство нужно передать Никандру Ивановичу своему преемнику?

Следующая история. В 2004 г. в окрестностях села Ратта я нашла *поргэ* — изображение духа на сосне. Вырезано оно было по всем правилам таких изображений, я сверяла его с фотографиями нескольких старинных *поргэ*, которые имеются в литературе. Найденный мной *поргэ* был относительно новый. Я стала спрашивать в деревне — никто ничего не знает, даже не понимают, о чем я говорю. Дерево с *поргэ* находится в полутора километрах от села, можно сказать, на развилке дорог, так как дорога от Ратты ведет всего одна — на Перевал, длиной она 5 км, но имеет несколько ответвлений. В 2005 г. я ходила к этой сосне с очень немногословным мальчиком-селькупом по имени Мирон (и по прозвищу Чинга — «Лебедь»), мы не сразу нашли это дерево, мой проводник или не знал точно, где оно находится, или не хотел меня к нему вести, надеялся, что я сама его не найду. Когда я его нашла, он сообщил, как мне показалось, нехотя, что рядом с этим местом раньше было старое дерево с *порге*, но оно сгнило, и даже пня не осталось. Мирона мне в проводники дала бабушка-информантка О. Г. Ирикова (это ее сын). Она мне рассказала несколько сказок, описала родильный и погребальный обряды. Но в то же время не захотела пустить на чердак осмотреть национальную одежду, кроме которой там якобы больше ничего не было. Дочь этой бабушки, Вита, учила меня печь селькупский хлеб, с ней я две недели рыбачила, и при самом дружеском расположении Вита вообще мне ничего не рассказала, объяснив, что ничего не знает. В 2005 г. я повесила на сосну с *порге* приклады, положила под сосну монеты. В 2008 г., придя сюда снова, ни прикладов, ни денег я не обнаружила: кто-то их убрал. Потом я приходила к этому *порге* с главой администрации Ратты В. Завадовским, тоже коренным жителем, его предки появились в этих краях в первой

половине XIX в. Завадовских упоминают в своих записях К. Доннер и Г. Н. Прокофьев. Завадовские уже давно породнились с селькупами, но принципиально дистанцируются от них, утверждая, что ничего об их мировоззрении не знают. В. Завадовский мне сказал, что первый раз видит это изображение, что, наверное, это кто-то баловался (такое объяснение я еще несколько раз слышала от других людей в деревне). Замечу, что *порге* — изображения родовых духов, духов-предков — ставятся на родовых угодьях (в округе с. Ратта стойбищ много, до некоторых недолго идти пешком). Бывает *порге*, вырезанное по покойнику. *Порге* положено кормить (мазать рот) ухой, маслом, поить водкой, просить удачи на промысле в начале сезона. Селькупы, роду которых *порге* не принадлежит, боятся и опасаются его. Ни разу никто из проводников не согласился отвезти меня к какому-нибудь старому *порге*. Называют два-три несохранившихся общеизвестных идола, говорят, что знают, где находятся те, что сохранились, но не везут — боятся гнева духов. И рассказывать о них подробнее не хотят. Одна девочка мне рассказала, что, собирая ягоды, наткнулась в лесу на *порге*, когда поняла, что перед ней, в страхе убежала — ей мама и бабушка с детства внушили, что *порге* надо бояться. *Порге* теряют силу, когда умирает последний мужчина в роду и род прекращается. Изготовленного нового *порге* должен оживить шаман. Но фразу «шаманов больше нет», как речевку, повторяли все мои информанты. Тогда кто вырезал «моего» *порге*? Если оживить его некому, зачем тогда вырезать? То, что это чье-то баловство, маловероятно, *порге* вырезан «профессионально», а шутить с духами селькупы, все как один, боятся. И кто снял с дерева мои, чужого человека, которому не положено приносить жертву селькупским духам, приклады?

Интересно, что многочисленные запреты на непопозволенное обращение с обитателями потустороннего мира помнят все, даже те, кто ничего не знает и не помнит. Вера в то, что нарушителей этих запретов непременно постигнет божья кара, имеет среди современных селькупов коллективный характер — из местных рассказов на тему «преступление и наказание» можно составить увесистую книгу.

В продолжение темы изображений духов хочу сказать несколько слов о селькупских домашних духах. Я точно знаю, что они есть во многих селькупских семьях, но их положено прятать. К месту их хранения нельзя подпускать детей. Мое знание основано на парадоксальном факте: у селькупов чужим нельзя рассказывать о своих духах, но можно рассказывать о чужих. Своих духов информанты мне так ни разу и не показали. Я видела такие изображения только в музеях сел Красноселькуп и Толька. Красноселькупские «куклы» были найдены на чердаке заброшенного дома в поселке Сидоровск, а в Толькинский музей школы-интерната принес «куколок»-духов своей бабушки А. Кулиш.

В Ратте есть один селькуп — Родион Куболев, 1966 г.р. Он был моим первым информантом в 2004 г, и мне видится в нем «самый типичный селькуп из всех селькупов» по антропологическому типу и по натуре. Родион пристрастен к алкоголю (а когда выпьет — актер), холостяк, всегда босой, чумазый, но хороший рыбак и охотник. За три года, что я не была в Ратте, он с братом выстроил очень хороший дом, где они живут теперь со своей матерью. Поговорить с ним, когда он трезв, мне никогда не удавалось, тогда он очень стеснительный. В легком подпитии он мне много всего рассказал: о коллективном страхе перед покойниками, снах, представлениях селькупов о рыбах, птицах, насекомых, медведе, о духах, которые населяют все вокруг и которых он, бывали случаи, не видел, но слышал и даже вступал с ними в борьбу. От него я записала несколько редких фольклорных текстов. Когда мои вопросы случайно касались шаманской темы, Родион всегда меня останавливал: «Об этом спрашивать нельзя». Любимые его рассказы — о своих похождениях в пьяном виде. Иногда он был слишком пьян, и тогда был агрессивен. Один раз в таком состоянии он мне рассказал случай, как его разозлили приехавшие в Ратту гости — то ли чиновники, то ли кто-то по линии культуры. Чем-то они ему не угодили (из его рассказа понять это было сложно), но он громогласно кричал на всю деревню, что уничтожит их, напустив на них своего духа — слово. Пьяный Родион хвастался передо мной, что это слово у него такой силы — как ураган, может убить врага за десятки километров: «Здесь

(в с. Ратта), *как сказал, — в Кикки-Акки убило*». О физической силе слова, песни и голоса больших селькупских шаманов былых времен писали Е. Д. Прокофьева и Г. И. Пелих, причем последний почти в тех же фразах, которые я слышала от Родиона. Прочитать эту работу Г. И. Пелих Родион не мог: ее нет в Красноселькупском районе, это редкое издание.

У Г. И. Пелих мы читаем: «Пустил он свой шаманский дух (свой громкий голос) по Турухану. Шаманский дух Гордейки пошел как ураган, поднял волну на Енисее, и кетская шаманка вместе с дочерью утонула» [Пелих 1998: 22]. «Этот шаманский дух, который сравнивался с ветром, ураганом, назывался мергельпальчи. Опытный шаман мог пустить свой дух за сто, двести, триста километров. Таким духом можно было наслать порчу, вызвать падеж скота, пожар» [Там же: 65].

Односельчане Родиона мне рассказывали, что каждую весну и осень, когда летят утки, Родион начинает болеть, убегает в лес, ищет одиночества. Так происходит с теми, кому предназначено стать шаманом, кого мучают духи шаманов-предков, заставляя прийти в шаманскую профессию. Замечу, что в каждом селькупском роду раньше были шаманы.

Я уже давно дожидаюсь, что из какой-нибудь лесной глубинки придет известие о том, что не прервалась и шаманская традиция, не перевелись шаманы у селькупов. По логике, их не может не быть, хотя бы потому, что в их магические способности по-прежнему верят — многие информанты с восхищением рассказывали мне, как стали свидетелями лечебных подвигов шаманов, которые практиковали здесь еще в 1970-е годы. И потому, что шаманские способности наследственные, шаманами становятся не по желанию, а по выбору духов шаманских предков. В конце 1990-х на одном из кладбищ Кикки Акки появилось воздушное захоронение — таким способом селькупы хоронят лишь шаманов. Всей округе известно, что в нем захоронен подросток, который только должен был стать шаманом, и этот факт говорит о многом. Последний «легальный» селькупский шаман Гавриил Мандаков из поселка Тазовский (он считается также ненецким шаманом) умер в 2004 г. (не столь давно). Я плохо представляю,

как сегодня можно быть публичным шаманом; думаю, что нельзя. Заниматься шаманскими практиками сейчас можно только подпольно, тайно.

В 2013 г., во время экспедиции в Пуровский район ЯНАО, мы брали интервью у пожилой ненки, которая была замужем за селькупом и много лет жила в крохотном селькупском селе Толька Пуровская, в верховьях р. Толька. Она всю жизнь проработала педагогом, интеллигентная женщина, хорошо знает селькупский язык. Она поведала, что в 1970–1990-х годах для толькинцев было обычным делом участие шамана в погребальном обряде, шаман «борется с умершим и не дает ему увести с собой души близких живых родственников». «Три дня покойник лежит. Три дня рядом сидит шаман. У меня первый муж умер, с шаманом хоронили. Вдруг старик закричал — увидел меня с покойным в новой шубе. Шубу сняла, как шаман сказал, хоть и жалко ее было. Последняя ночь самая трудная. Надо рядом посадить молодых. Борьба начинается с покойником. Шаман даже может упасть. Тогда молодые берут и поднимают на ноги. Нужно обезопасить родню умершего, это шамана роль. Шаман просит оленя заколоть, или платок оставить, или лодку. Хорошая традиция. Первый муж умер в 1971 году. Второй муж русским был, помог детей поднять. Он в 1995 году умер. Хотела шамана позвать, но на похороны очень много русских людей пришло, поэтому не стала. Жалела потом». Вот еще один факт, одно свидетельство, которое говорит о том, что шаманство у селькупов сохраняется.

Итак, рассказанных историй уже достаточно, чтобы сделать вывод, что во многих селькупских семьях традиционная вера более чем жива, и именно эта вера не позволяет информантам делиться сакральным знанием с чужими. Да, есть многочисленная группа селькупов, которые уже полностью оторвались от своих корней, из поселков не выезжают, не знают родного языка. Они не владеют не только сакральным, но и (почти) никаким другим знанием своей культуры. В противоположность им, можно выделить иную группу селькупов, которые живут в своей культуре, они хорошие информанты, но знают не все, поскольку им, опять же по традиции, не положено знать всего ради их же безопасности.

Чтобы точнее обозначить их круг, нужно вспомнить, кому всегда запрещалось подходить к шаманским инсигниям: детям и молодежи, женщинам, селькупам других родов, иноплеменникам. Сакральным, тайным знанием владеют лишь особые категории людей — помимо шаманов, это так называемые «знающие» и «хранители». Я слышала об их существовании в других традиционных культурах. Теперь я уверена, что институт хранителей существует и у селькупов. До сих пор. По всей видимости, «хранителями» становятся старшие мужчины в семье.

Вне сомнения, за последние десятилетия закрытость сакрального знания селькупов возросла. Тому были объективные причины: агрессивная атеистическая политика советской власти, просто влияние чужой культуры с высоким уровнем естествознания. К причинам молчания нужно отнести обиду на русских — «чужих», которые массово появились в этих местах сравнительно недавно, время их прихода еще сохраняется в памяти очень старых людей, пришли и стали навязывать, диктовать, запрещать, отнимать свое, привычное, любимое, родное. Мало кто вспомнит, что с приходом советской власти здесь прекратились, как минимум, голод и эпидемии. Никто не анализирует, откуда в жизни коренных жителей появились снегоходы, моторы, ружья, миниэлектростанции, телефоны, магнитофоны, санрейсы и тому подобные вещи. Никто не отдает себе отчета, что политика центральной власти по отношению к коренным народам Севера была главным образом политикой не «отъятия», а социальной поддержки. До сих пор временной отрезок 1930–1950-х годов определяется коренными жителями района фразой: «Это когда всех шаманов отстреляли». Ощущение опасности, исходящей от чужих, приезжих, существует как генетическая память. Можно говорить о том, что закрытость — это в числе прочих причин инстинкт самосохранения традиционной культуры.

Что остается этнографу? — Входить в доверие всеми допустимыми, деликатными способами, а если не получается, то ждать своего счастливого часа. И надеяться, что этот час не наступит тогда, когда уже будет поздно. Примером такого опоздания может служить родовая шаманская нарта селькупов Аркадьевых, кото-

рую их зятя — эвенки Оягиры — продали в музей Салехарда в начале 2000-х годов и не смогли никак прокомментировать ее содержимое. Богатейший по символическому содержанию комплекс предметов, и ни один предмет не описан. Моя позиция — лучше вообще не брать священные вещи у их хозяев, а описывать на месте, делать фотофиксацию и протоколировать всю сохранившуюся о них информацию. Вещи же пусть остаются там, где были, и продолжают поддерживать традицию. Живая традиция лучше мертвой (музейной).

Источники

ПМА (экспедиции 2004, 2005, 2008, 2012 гг. в Красноселькупский и 2013 г. в Пуровский р-ны ЯНАО).

Библиография

Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998.

Abstract

This article considers a problem how closeness of traditional sacred knowledge of northern Selkups correlates with the process of its preservation as well as how it affects an ethnographer's work.